

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Нури Халилов

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

**ВОСПОМИНАНИЯ
КРЫМСКОГО ТАТАРИНА ОБ УЧАСТИИ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

1941—1944

На линии фронта. Правда о войне

Нури Халилов

**Долгая дорога домой.
Воспоминания крымского
татарина об участии в Великой
Отечественной войне. 1941–1944**

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

Халилов Н.

Долгая дорога домой. Воспоминания крымского татарина об участии в Великой Отечественной войне. 1941–1944 / Н. Халилов — «Центрполиграф», 2016 — (На линии фронта. Правда о войне)

Воспоминания Нури Халилова – уникальное свидетельство о Великой Отечественной войне представителя крымско-татарского народа, подвергнувшегося несправедливым репрессиям по обвинению в массовом предательстве во время войны. Автор, начавший войну с первого ее дня в кадровой части Красной армии, в полной мере разделил общую долю поражений, скитаний в окружении, плена. С 1943 г. он принимал активное участие в партизанской борьбе на территории Крымского полуострова и оставил интересные воспоминания об этой весьма спорной странице истории войны.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нури Халилов

Долгая дорога домой. Воспоминания крымского татарина об участии в Великой Отечественной войне. 1941–1944

© Халилов Э. Х., наследник, 2016

© Поляков В. Е., предисловие, комментарии, послесловие, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в создании книги президенту региональной общественной организации «Общество крымских татар «Инкишаф», члену совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ Эскендеру Билялову, главе администрации города Саки Андрею Николаевичу Ивкину, заместителю главы Сакской администрации Шерифу Темуровичу Османову.

Рецензенты

Доктор культурологии, профессор Ульяновского авиационного университета В. Н. Гуркин.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории НАН Украины Т. В. Пастушенко.

Предисловие

Жанр военных мемуаров (с французского *mémoires*, «воспоминания») возник в России после Отечественной войны 1812 года, когда впервые были опубликованы воспоминания участников этих событий: Дениса Давыдова, Сергея Глинки, Надежды Дуровой... Все последующие годы, десятилетия и даже столетия от военных мемуаров, написанных участниками уже Великой Отечественной войны, их отличала одна существенная деталь – все мемуары новой волны писали не сами участники этих событий, а специально привлеченные им в помощь люди.

Почин был сделан в 1944 году, когда в Воениздате вышла книга пока только набиравшего популярность советского летчика Александра Покрышкина¹. Всем было понятно, что фронтовому пилоту в ту пору было не до книг, а подлинным автором был корреспондент «Красной звезды» Николай Денисов, которому, кстати, и принадлежала, впоследствии приписанная А. И. Покрышкину, формула проведения им воздушного боя: высота – скорость – маневр – огонь.

Эта модель «творческого содружества» писателя и участника событий быстро получила всеобщее признание. При этом был достигнут следующий компромисс. Причитающийся за книгу гонорар «автор» и его «литературный негр» делили поровну. Ситуация несколько вышла из-под контроля из-за того, что многие книги этого жанра были отмечены Сталинской премией, делиться которой «авторы» не собирались. Конфликт стал достоянием общественности после того, как один из наиболее продвинутых «литературных негров», загодя, до начала работы над рукописью, потребовал у прославленного подводника, Героя Советского Союза Якова Иоселиани письменное обязательство того, что если их будущая книга получит Сталинскую премию, то ее поделят пополам.

Первые послевоенные годы действовал устный запрет И. В. Сталина на публикацию воспоминаний военачальников высокого ранга – от генерала и выше. В какой-то степени Сталин правильно рассудил, что «большое видится на расстоянии». Все издательства охотно публиковали только воспоминания партизан и, выражаясь современным языком, «полевых командиров» – офицеров среднего ранга. Их публикации не вызывали никаких проблем, так как приставленные к каждому из них редакторы начисто выхолащивали все оригинальное, а следовательно – опасное.

Примечательны строки из книги прославленного партизанского комбрига Ф. И. Федоренко, в бригаде которого, кстати, служил автор предлагаемых вниманию читателей воспоминаний: «Мне выпала удача встретиться и в непринужденной обстановке поговорить с П. К. Пономаренко², – был приглашен к нему на дачу под Внуково. Когда беседа коснулась Крыма, Пантелеймон Кондратьевич сказал:

– Мы же в Москве называли вас божьими мучениками... И диву давались, узнавая, что вы, применяясь к обстановке, несмотря на трудности и потери, уже в сорок первом и в начале сорок второго, то есть без раскачки, вели активные операции против врага. Так и в книге будет сказано.

– И про «божьих мучеников» напишете?

– Э, нет! Все равно редакторы исправят на «бесстрашных героев». Знаю я их, не первая книга»³.

---

¹ Покрышкин А. И. Крылья истребителя. М.: Воениздат, 1944. 80 с.

² Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич. Род. в 1902 г. Начальник Центрального штаба партизанского движения (1942–1944). Генерал-лейтенант (1942). Умер в 1984 г.

³ Федоренко Ф. И. Годы партизанские, 1941–1944. Симферополь: Таврия, 1990. С. 75.

Показательно, что другой мемуарист, прославленный командарм Павел Батов, даже после смерти Сталина начал свои воспоминания⁴ сразу с 1943 года. Зачем вспоминать о бесславных боях на Перекопе 1941 года?

С началом «оттепели» успевают появиться несколько знаковых книг, в которых впервые было упомянуто о репрессиях 1937 года⁵, о тяжелых боях 1941 года⁶.

Впрочем, этот период продолжался очень недолго, а качество издаваемых воспоминаний стало компенсироваться их количеством. В Воениздате на поток была поставлена серия «Военные мемуары», в которой все командиры были мудрыми, комиссары чуткими, а солдаты бесстрашными.

По мере того как годы войны отдалялись, а ее участников становились все меньше, появился совершенно новый тип военных мемуаров – подлинных воспоминаний, не прошедших сквозь призму редакторской обработки и не знающих цензуры, ну разве что собственную цензуру авторов, которые даже перед смертью избегали написать что-нибудь «лишнее». Впрочем, это уже было время, когда, как писал А. П. Чехов, мы по капле вытравливали из себя раба. Уже на склоне своей жизни эти люди писали не только по зову сердца, но и по настоянию своих детей, друзей, сослуживцев... Все это, как правило, без какой-либо надежды быть опубликованными. Наряду с желанием правдиво показать, как все было, в этих воспоминаниях была и определенная доля субъективизма. Нередко такие воспоминания таили в себе большой пласт невольной дезинформации, фактических ошибок, искренних заблуждений.

Сегодня, когда во многом стали доступны архивы и СССР, и Германии, оглядываясь назад, мы можем только ужаснуться тому, что ждало наш Крым. 16 июля 1941 года Мартин Борман выступал на совещании высшего руководства рейха: *«Теперь очень важно не распространяться о наших целях перед всем миром... Мы не хотим заранее без всякой необходимости наживать себе врагов среди населения. В то же время мы сами должны совершенно ясно отдавать себе отчет, что мы никогда не уйдем из этих стран. Поэтому наше поведение должно быть следующим:*

1. Мы не должны ничего делать, что может помешать достижению окончательных целей.

2. Кроме того, мы должны подчеркивать, что мы освободители.

Все иностранцы должны быть эвакуированы из Крыма, который будет заселен только немцами, включая значительные районы к северу от него»⁷.

С другой стороны, в планах коммунистических вождей Крыму отводилась то роль нового Израиля, то еще какого-то политического образования, но тоже... без крымских татар. Ничего этого автор данных воспоминаний, естественно, не знал и знать не мог.

Воспоминания Нури Халилова не лишены недостатков. Тем не менее мы оставили его текст практически неправленным. Только в научных комментариях, в предисловии, послесловии постарались помочь читателю шире взглянуть на поднятую автором проблему и попытаться понять недосказанное или то, что в силу своего положения «рядового труженика войны» автор знать не мог.

Предложенные читателю воспоминания уникальны по многим параметрам: их автор с 1939 года находился в рядах Красной армии на западной границе. В 1940 году входил с советскими войсками в Литву. Войну встретил на Белостокском выступе. Несколько месяцев скитался по оккупированной территории Белоруссии и Украины. Полгода находился в немецком лагере для военнопленных. Жил в оккупированном Крыму. Сражался в партизанском отряде.

---

⁴ Батов П. И. В боях и походах. М.: Воениздат, 1962.

⁵ Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1965.

⁶ Саидалов Л. М. Пережитое. М.: Воениздат, 1966.

⁷ Нюрнбергский процесс: Сб. мат-лов: В 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1990. С. 283–284.

Год провел в проверочно-фильтрационном лагере НКВД. Далее жизнь в местах депортации. Несмотря на все чинимые властями препоны, вернулся в Крым.

Предложенные воспоминания первые, в которых повествование ведется от имени представителя самобытного, много пережившего крымско-татарского народа.

Нури Халилов еще по довоенному образованию – учитель истории. Человек он любознательный, памятный, искренний. В своих воспоминаниях он запечатлел множество деталей повседневности как военных, так и послевоенных лет. Его наблюдения остры и порой нетривиальны. Право каждого читающего – соглашаться или не соглашаться с его выводами и оценками.

Многие моменты из его воспоминаний будут не вполне понятны читателю без объяснения общей ситуации, которая в силу как объективных, так, к сожалению, и субъективных причин сложилась в Крыму. Вот почему мы предворяем предложенные воспоминания предисловием, в котором хотим познакомить читателя с тем, что происходило в Крыму в 1941–1945 годах.

Теме партизанского движения в Крыму был посвящен не один десяток книг. Во всех изданиях советской поры основное внимание уделялось демонстрации руководящей роли Коммунистической партии, а подлинная история партизанского движения считалась секретной и не подлежала огласке. Был наложен запрет на описание тех трудностей, с которыми пришлось встретиться партизанам; замалчивались непростые отношения партизан с местным населением, противоречия внутри партизанского сообщества; однобоко рассматривались национальные вопросы.

В коллективной работе крымских ученых в 1963 году была озвучена оценка деятельности крымских партизан, которая стала основополагающей на все последующие десятилетия. В ней был приведен традиционный тезис об интернациональном составе движения Сопротивления в Крыму, но, несмотря на то что крымские татары были вторыми по численности среди крымских партизан, однако среди «сынов и дочерей народов Советского Союза» они не были упомянуты⁸.

В 1987 году появилась монография военного историка А. В. Басова, в которой, к сожалению, только одна глава была посвящена партизанскому движению, но, в отличие от всех предыдущих работ, в ней впервые приводились конкретные факты коллаборационизма, и не только отдельных крымских татар, но и крымских греков, болгар⁹.

Утрата монополии коммунистической идеологии в СССР, резкое ослабление, а затем и полное отсутствие внешней цензуры не могли не сказаться на творческом кредо исследователей, занимавшихся изучением истории Крыма. Была издана подборка документов о начальном этапе партизанского движения. Впервые были приведены альтернативные точки зрения по целому ряду проблем¹⁰.

Особое место занимает публикация «Руководство партизанским движением Крыма 1941–1942 гг. Татарский вопрос». Это исследование А. В. Мальгина – безусловный шаг вперед. В книге были опубликованы фотографии крымскотатарских командиров и комиссаров, которые ранее не были известны широкой общественности, но по-прежнему муссировался тезис о массовом предательстве крымских татар.

Обобщенный материал о партизанском движении в Крыму представлен в монографии В. Е. Полякова, которая стала основой успешно защищенной докторской диссертации «Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. в контексте военных и социально-политических

---

⁸ Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945: Сб. статей. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 151.

⁹ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987.

¹⁰ Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны: Сб. док-тов и мат-лов. 1941–1942 / Сост.: А. В. Мальгин, Л. П. Кравцова, Л. Л. Сергиенко. Симферополь: СОНААТ, 2006.

процессов». Отличительной чертой этой работы стал анализ подготовительного периода, который никогда ранее не рассматривался исследователями. Был приведен поименный анализ всех списков партизан Крыма за 900 суток этой эпопеи. Изучены ранее не известные воспоминания партизан, проанализирован весь массив наградных листов, переписка партизанского руководства Крыма с Москвой, проведены полевые исследования.

Первые воспоминания крымских партизан были опубликованы в 1966 году в ленинградском журнале «Звезда». Они сразу же вызвали гнев крымских властей. Секретарь Крымского обкома партии Макухин послал в редакцию и в Ленинградский обком гневное письмо: «Партизанское движение в трактовке Вергасова¹¹ выглядит стихийным, Вергасов не дал себе труда разобраться в принципиальных вопросах национальной политики партии, вносит путаницу в их толкование. Избрав в качестве жанра документальные записки, автор не воспользовался материалами Крымского партархива, достоверно отображающими неблагоприятную роль татарского населения полуострова в период немецкой оккупации. Он не объективно берет под защиту крымских татар, пытается оправдать их массовое предательство ошибками и просчетами советской власти и трудностями социалистического строительства. Роль отдельных татар-партизан чрезмерно выпячена. Поступаясь исторической правдой, автор прямо утверждает, что фашистам не удалось поставить барьер из татар между партизанами и собственными войсками»¹². «Публичная порка» пошла на пользу, и уже во всех последующих книгах и сам Илья Вергасов, и другие авторы четко придерживались указанного партией «фарватера». Стали выходить только «правильные» книги. Если упоминалась крымско-татарская фамилия партизана, то уже через несколько строк становилось известно, что он либо дезертировал, либо предал. Ни один факт, ни одно событие этих «воспоминаний» нельзя воспринимать, не перепроверив их по иным источникам.

Партизанское движение в Крыму продолжалось 900 суток и характеризуется тремя периодами. Отличительная особенность первого и третьего периодов – наличие на территории полуострова линии фронта, что привело к избыточному количеству войск противника. Численный состав партизанского движения этих этапов не соответствовал ни потенциальным возможностям маленького крымского леса, ни возможностям обеспечения партизан продуктами питания.

Одной из драматических особенностей партизанского движения в Крыму явилось то, что подготовительный период составил всего восемь суток. Партийное руководство Крыма осенью 1941 года не смогло реально оценить возможные сроки оставления полуострова частями регулярной Красной армии. Только за неделю до оставления Симферополя было принято постановление о назначении командующего партизанским движением Крыма. Только за двое суток до оккупации – о назначении командно-политического состава партизанских районов¹³.

Здравый смысл подсказывал, что в партизаны надо направлять людей, которые хорошо знали крымские горы, имели связь с местным населением. В октябре 1941 года Крымский обком ВКП(б) пошел по пути формирования отрядов исключительно из числа членов партийно-советского актива каждого административного района полуострова. При этом абсолютное большинство отрядов формировалось из жителей степных районов, которым предстояло воевать в незнакомых им лесах на территории Зуйского, Бахчисарайского или Судакского районов.

Примечательно, что среди 15 человек старшего командного состава был назначен только один крымский татарин, но и он осенью 1941 года в лес так и не попал, поскольку даже не

---

¹¹ *Вергасов Илья Захарович*. 1914 г. р. Командир 33-го истребительного батальона. В партизанах с 01.11.41 по 02.07.42. Начальник штаба 4-го партизанского района (01.11.41–04.02.42); командир 4-го района (04.02.42–19.03.42). Эвакуирован.

¹² *Халил Р. И.* Правде истории вопреки // Ученые записки Крымского государственного инженерно-педагогического университета: [К 10-летию КГИПУ]. 2003. Вып. 4. С. 146–150.

¹³ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 1. Д. 2068. Л. 75.

знал об уготовленной ему миссии. Среди будущих крымских партизан не оказалось ни одного секретаря Крымского обкома ВКП(б). Вероятно, почувствовав неопределенность отношения к партизанскому движению со стороны высшего руководства страны, ни один из секретарей обкома и первых секретарей райкомов и горкомов полуострова не стал командиром партизанского отряда. Всего четверо из них стали комиссарами.

Поскольку время на формирование полноценной сети партизанских отрядов было безнадежно упущено, то как за соломинку ухватились за идею о направлении в партизаны бойцов истребительных батальонов.

Такие факторы, как пол, преклонный возраст, неудовлетворительное физическое состояние, совершенно не брались во внимание.

Вот какую оценку отрядам давали в своих никогда не публиковавшихся воспоминаниях сами партизаны: «Среди бойцов Колайского отряда почти половина оказались больными или стариками»¹⁴.

«Судакский отряд. В нем 35 женщин, в большинстве случаев пожилого возраста, небоеспособных. Мужчины были тоже такие же: кто плохо видит, у кого рука не сгибается. Все были уверены, что побудут в лесу два-три месяца и все закончится»¹⁵.

«3-й Симферопольский отряд, как, впрочем, и все другие отряды, формировался из руководящих партийно-советских кадров сельского Симферопольского района. Что ни человек, то в прошлом «пред.» или «зав.». В лес они пришли с чемоданами, баулами. Настроение у всех одно: переждать в лесу месяц-другой, а там «непобедимая и легендарная» разобьет всех врагов, и можно будет возвращаться на свои высокие должности»¹⁶.

В ноябре 1941 года в лесу оказалось 1315 бойцов и командиров РККА, что составило 35 процентов от общего числа партизан¹⁷.

Поскольку партизанам не дали оружия и в лес они шли с охотничьими ружьями, отдельные отряды обезоруживали военных и выгоняли их на все четыре стороны, мотивируя: «Мы не знаем, кто вы такие, у нас людей полный комплект, малые запасы продовольствия, а поэтому – уходите от нас, куда хотите». По существу, вели «массово-разъяснительную работу» – сдаваться целыми группами в плен врагу»¹⁸.

Большинство окруженцев, которым отказывали в приеме, самовольно размещались в лесу по соседству с партизанами. Они были неплохо вооружены, многие из них уже успели повоевать под Одессой и на Перекопе. Осознав, что избавиться от «военных» невозможно, руководитель партизанского движения в Крыму А. В. Мокроусов допустил стратегическую ошибку. Вместо того чтобы по возможности равномерно распределить военнослужащих по отрядам, он создал из них шесть самостоятельных. Не имея запасов продовольствия и не получая его от партизан, эти отряды вынуждены были с первого дня пребывания в лесу добывать его у населения ближайших сел. Поскольку эти «экспроприации» носили систематический характер, население всех сел горного и предгорного Крыма, вне зависимости от национальной принадлежности жителей, было вынуждено с оружием в руках защищать свое имущество и продовольствие, а фактически – право на жизнь.

Те немногочисленные секретари крымских райкомов партии, которые в статусе комиссаров отрядов воевали в своих родных местах, пытались воспрепятствовать этому. Возглавляемые ими отряды имели хорошие взаимоотношения с селами своих районов базирования. Со многими жителями они были связаны родственными и другими узами. Эти села помогали пар-

---

¹⁴ *Генов И. Г.* Дневник партизана. Симферополь: Крымиздат, 1983. С. 31.

¹⁵ ГАРК. Ф. П. 151. Крымский штаб партизанского движения. Оп. 1. Д. 47. Л. 159.

¹⁶ Личный архив Полякова В. Е. Дементьев Николай Иванович. Воспоминания. 43 с. 2009 г.

¹⁷ *Поляков В. Е.* Партизанское движение в Крыму. 1941–1944 гг. Симферополь: АРИАЛ, 2013. С. 165.

¹⁸ ГАРК. Ф. П. 151. Оп. 1. Д. 21. Л. 96.

тизанам продуктами, информацией, но для красноармейских отрядов все это не играло никакой роли, так как им нечего было есть!

В возникшем конфликте А. В. Мокроусов стал на сторону военных, так как видел в нападениях на села проявление боевой активности, в то время как отряды, сформированные из партийно-советского актива, в основной массе предпочитали избегать участия в боевых действиях.

Конфликт между военными и партийно-советской номенклатурой принял чрезвычайно острый характер. Мокроусов отстранил абсолютное большинство командиров, комиссаров, начальников штабов, назначенных обкомом ВКП(б), и заменил их профессиональными военными.

Боевая активность партизан на прифронтовых коммуникациях стала мешать снабжению штурмующих Севастополь немецких войск. После того как город не удалось взять с ходу, возникшую паузу противник использовал для борьбы с партизанами. В декабре 1941 года состоялся первый тотальный прочес крымского леса.

Обратимся к немецким документам: «Трофеи: **7 складов с продовольствием**, консервы, овощи, бараны, свиньи. Уничтожено **4 склада с продуктами**. Захвачено в плен – 490 чел. Убито партизан – 470 чел. Немецкие потери: убитых – 45 чел., раненых – 72 чел., пропало без вести – 1 чел.»¹⁹.

Упомянуты 11 обнаруженных и уничтоженных продовольственных баз. В советской мемуарной и псевдоисторической литературе все продовольственные базы давно были «разграблены татарами».

В этот самый трудный период партизанской борьбы значение крымских татар в партизанском движении Крыма было трудно переоценить. Никто так, как они, не знал крымские горы, лесные тропы, родники, пещеры... Они имели связи с местным населением, могли вывести отряд из окружения буквально под носом карателей. Тогда «на вес золота» ценились партизаны-проводники: Абибулла Аметов, Ибраим Аметов, Мемет Аппазов, Абдулл Аширов, Умер Бенсеитов, Андрей Бережной, Смаил Велиев, Сеит Ислямов, Асан Мамутов, Абдурахман Мурадосилов, Эмир Халилов.

Вот как описывал свои впечатления об одном из таких проводников Илья Вергасов: «Впереди – проводник по имени Арслан. За этим человеком гоняются, потому он скрывает свою фамилию. Проводнику около двадцати пяти, фигура как из бронзы литая, выносливость потрясающая, ходок – днем с огнем такого не найдешь. Помимо всего – удивительное чутье местности, прямо кудесник какой-то. Принюхается, раздувая тонкие точеные ноздри, и возьмет абсолютно верное направление. Вслед за проводником шел сам командир...»²⁰

Речь идет об Ибрагиме Аметове, который был проводником в Алуштинском, Бахчисарайском, а затем во 2-м отряде 2-го сектора. Его жену с двумя детьми все же схватили гестаповцы и казнили.

Абсолютное большинство отрядов видели в качестве цели своего пребывания в лесу только одно – отсидеться! Активную боевую деятельность вели в основном армейские отряды или армейские группы в обычных отрядах.

Голод вынудил партизан добывать продовольствие в горных и предгорных деревнях, население которых, как могло, защищалось от непрошенных гостей. Во всех селах создавались отряды самообороны из числа местных жителей самых разных национальностей.

Руководство партизанским движением в лице Алексея Мокроусова не понимало особенностей современной войны и продолжало ориентироваться на устаревший опыт Гражданской. Мокроусов требовал, чтобы партизаны захватывали села и оставались в них на правах хозяев.

---

¹⁹ Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1942 // Москва – Крым. М., 2000. Вып. 1. С. 281–295.

²⁰ Вергасов И. З. В горах Таврии. М.: Воениздат, 1949. С. 169.

В отрядах начался голод. Страшный голод. Катастрофа была неминуема, но, в связи с началом Керченской десантной операции, в лесу оказались советские военные разведчики с рацией. Так партизаны впервые установили связь с Большой землей. С приходом большой группы участников судакского десанта стал рассматриваться вопрос о продовольственной помощи партизанам с Большой земли. Первые сбросы продовольствия носили откровенно дискриминационный характер, так все продуктовые парашюты передавались только военным. Несколько партизан было расстреляно за утаивание продуктов. Это еще более обострило конфликт с военными. В этот период весной 1942 года он получил новый вектор: «военные» – А. В. Мокроусов. После расстрела Мокроусовым командира отряда капитана Алдарова²¹ и попытки расстрела начальника своего штаба полковника Лобова²² он достиг апогея.

После катастрофы Крымского фронта Мокроусов был признан одним из ее виновников. Крымских партизан обвинили в пассивности, в стремлении отсидеться, клевете на крымских татар, утрате поддержки местного населения. Начавшийся в лесу конфликт вышел за пределы полуострова. Командующий фронтом С. М. Буденный отказывался принимать первого секретаря Крымского обкома ВКП(б) В. С. Булатова²³ и требовал, чтобы тот находился не в тылу, а в лесу. Военные настаивали на сворачивании массового партизанского движения, проведении широкомасштабной эвакуации и оставлении в лесу только небольших мобильных групп. С отставкой Мокроусова и назначением его оппонента – полковника Лобова этот план был претворен в жизнь.

Крымские партизаны официально были переподчинены командованию Черноморской группы войск, которое приняло решение о сворачивании масштабного партизанского движения и эвакуации избыточного состава. За первый год партизанской борьбы в Крыму произошел безжалостный «естественный отбор». В отрядах не осталось ни одного участника Гражданской войны, которыми еще недавно так гордились организаторы партизанского движения. Не было ни одного человека, чей возраст превышал бы 45 лет. Из 329 женщин осталось только 3. Если к началу партизанской деятельности насчитывалось 3733 человека, то ровно через год оставалось лишь 480 человек. Умерло от голода – 450 человек, погибло в боях – около 1000, пропало без вести и дезертировало – около 600 человек, вывезено на Большую землю – 770 человек, послано на подпольную работу и отпущено из отрядов – до 500 человек²⁴.

Опираясь на поименные списки партизан, нам удалось установить, что в период с ноября 1941 по октябрь 1942 года в партизанских отрядах Крыма было 308 крымских татар. Из них кандидаты и члены ВКП(б) составляли 63,5 процента.

Как сложилась их дальнейшая судьба:

Таблица 1

---

²¹ Алдаров Галимзян Сахиярович (1911–1942). Командир 56-го зенитного дивизиона 434-го артиллерийского полка 156-й стрелковой дивизии. В партизанах с 01.11.41 по 10.04.42. Командир Кировского партизанского отряда. Необоснованно расстрелян по обвинению в дезертирстве в 1942 г.

²² Лобов Михаил Тихонович. Род. в 1901 г. Начальник штаба 48-й кавалерийской дивизии. В партизанах с 10.11.41 по 10.10.42. Начальник штаба 2-го партизанского района (15.11.41 – апрель 1942). Командующий партизанскими отрядами Крыма (06.07.42–10.10.42). Эвакуирован.

²³ Булатов Владимир Семенович. Род. в 1910 г. 1-й секретарь Крымского обкома ВКП(б); член военного совета Крымского фронта, уполномоченный Центрального штаба партизанского движения по Крыму (ноябрь 1942 – июль 1943). Начальник Крымского штаба партизанского движения (15.07.43–20.04.44).

²⁴ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61.

Остались в лесу	Эвакуированы	Погибли	Отправлены на «спецзадание»	Дезертировали	Расстреляны приговором трибунала
9	35	165	29	52	8
2,9%	11,4%	53,7%	9,5%	16,9	2,6%

Поскольку обком нес непосредственную ответственность за все, что происходило в Крыму, то после снятия А. В. Мокроусова сразу же появилось постановление Крымского обкома ВКП(б) «Об ошибках, допущенных в оценке поведения крымских татар в отношении партизан, и мерах ликвидации этих ошибок и усилении политической работы среди татарского населения»²⁵.

Был произведен полный перевод стрелок. В обвинении не было ни слова о конфликте с военными, о пассивности в ходе боевых действий, о провале в подготовке партизанского движения, но зато на первый план справедливо были вынесены ошибки по отношению к местному населению. Решением ЦК ВКП(б)с фронта был отозван довоенный секретарь Крымского обкома ВКП(б) Рефат Мустафаев, которого в статусе секретаря уже подпольного обкома направили в лес. 3 октября 1942 года в лес прилетел еще один секретарь обкома – П. Р. Ямпольский.

Приезд Рефата Мустафаева в значительной степени стал сдерживающим фактором в захлестнувшей партизанское движение татарофобии, которая в основном навязывалась «военными». Впрочем, их тоже можно было понять: люди они в Крыму чужие, никого не знают, удовольствие им приходилось с боем добывать в деревнях, где для них все жители были татары.

В январе 1943 года в партизанском лесу насчитывалось всего 349 бойцов, а уже через месяц на 17 февраля – 266 человек, на 1 августа – 214 человек.

В июне – июле 1943 года в Крым стали прибывать специально отозванные с различных частей фронта крымско-татарские коммунисты: Мустафа Мамутов (до войны учитель 12-й школы Симферополя); Рамазан Муратов (до войны шофер Крымторга, а на фронте – водитель установки гвардейских минометов); майор медицинской службы Ваап Джалилев, Рамазан Куртумеров. В августе – бывший секретарь одного из райкомов Крыма капитан Талаяд Тынчеров и еще один секретарь райкома – Джемпар Колесников. Но главным резервом оставались ранее эвакуированные «старые партизаны».

Вот коллективный портрет крымских татар второго, самого трудного периода партизанской жизни.

Таблица 2

Продолжали борьбу	С Большой земли	Из плена	Из добровольцев	Работали на немцев
9	17	—	—	1

Как видно, пополнение пока идет только с Большой земли. Только один человек пришел из дома, но это исключение. Таких людей могло бы быть и больше, но, как вспоминал Нури Халилов, когда он попросился в отряд, то ему отказали: партизанам по-прежнему нечего было есть.

Как сложилась судьба этих людей?

²⁵ *Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны...* С. 268.

Таблица 3

Оставались в лесу	Эвакуированы	Погибли	Дезертировали	Расстреляны
15	6	6	—	—

Как мы видим, эвакуация все же продолжалась, но теперь это касалось только больных и раненых. По-прежнему партизаны гибли в боях. Нет ни одного случая дезертирства, никто из крымских татар этого периода не был расстрелян.

31 октября 1943 года части 51-й армии вышли к северному берегу Сиваша. Положение оставшихся в Крыму немногочисленных немецко-румынских войск казалось безнадежным. Во всех немецких и румынских частях и учреждениях началась предэвакуационная суматоха, не заметить которую было невозможно.

Жителям Крыма стало очевидно, что неделя, максимум месяц – и Крым будет свободен. Очень скоро эти слухи достигли партизанского леса и вызвали ажиотаж у партизанского руководства, которое приняло решение о развертывании массового партизанского движения.

На базе шести ранее существовавших отрядов было развернуто шесть бригад. Общее руководство над ними было возложено на Центральную оперативную группу, которой стал командовать секретарь обкома ВКП(б) Петр Ямпольский, что должно было повысить авторитет Крымского обкома.

В лес массово пошли коллаборационисты из так называемых крымско-татарских батальонов. 10-й и 11-й отряды 4-й бригады были полностью сформированы из дезертиров 149-го батальона вермахта.

В списке 10-го отряда указывалось, откуда пришел каждый боец, и наряду с его фамилией, именем, отчеством, годом рождения, домашним адресом, откуда он пришел, указывалась и его национальность.

Суммарный подсчет показал, что из пришедших в 10-й отряд добровольцев 149-го батальона: русские – 54 человека; греки – 14 человек; украинцы – 12 человек; **крымские татары** – 7 человек; казанские татары – 5 человек; армяне – 4 человека; узбеки – 4 человека; поляки – 3 человека; грузины – 2 человека; румыны – 2 человека; азербайджанцы – 1 человек; белорусы – 1 человек; болгары – 1 человек; евреи – 1 человек; карелы – 1 человек; лаки – 1 человек; словаки – 1 человек; хорваты – 1 человек²⁶.

Аналогичная картина и по 11-му отряду. Тем не менее до сих пор молодые историки продолжают настаивать на том, что эти батальоны были укомплектованы исключительно крымскими татарами. Сознательно не хочу указывать фамилии и научные степени, тут уж, как говорится, «Бог им судья!».

В связи с тем что осенью 1943 года в лес пришло 6089 человек, крымские партизаны вновь стали представлять внушительную силу. Партизанские бригады успешно действовали не только на коммуникациях, но и нападали на крупные гарнизоны противника: Зуя, Старый Крым, Бешуй...

После того как части 17-й немецкой армии с минимальными потерями эвакуировались с Тамани на Крымский полуостров, в Крыму оказалось 270 тысяч человек немецких и румынских войск. Ни о какой эвакуации уже не было и речи. Воспользовавшись оперативной паузой на Перекопе, оккупанты предприняли третью, последнюю крупную карательную акцию против партизан.

²⁶ ГАРК. Ф. П. 151. Оп. 1. Д. 620.

С 27 декабря 1943 по 10 января 1944 года они нанесли по партизанам массированный удар с привлечением пехоты, танков, артиллерии и авиации. Если две предшествующие зачистки партизан спасал маневр, то в Зуйских лесах решили отказаться от проверенной тактики. С одной стороны, была иллюзия, что каратели долго в лесу не задержатся, с другой – бригады связывали гражданские лагеря, в которых находилось едва ли не все мирное население горных сел. Последствия такой тактики были ужасны. Погибло почти все пришедшее под защиту партизан население. Потери партизан Зуйских лесов достигали половины личного состава. Если до карательной акции в 1, 5 и 6-й бригадах было 1616 человек, то по ее окончании оставалось всего 712, что привело к расформированию 6-й бригады²⁷. В предложенных воспоминаниях эти события показаны чрезвычайно подробно и как бы изнутри.

После того как каратели ушли из леса, 29 января 1944 года была проведена последняя реорганизация. В Зуйских лесах было создано Северное соединение, в лесах заповедника Южное, а затем и в лесах Старого Крыма – Восточное. Все они по-прежнему подчинялись находившемуся в Сочи Крымскому штабу партизанского движения.

Вновь рассмотрим коллективный портрет партизан из числа крымских татар, но уже на заключительном этапе борьбы с октября 1943 по апрель 1944 года.

Таблица 4

Продолжали борьбу в лесу	Прилетели с Большой земли	Бежали из плена	Служили оккупантам	Пришли с оккупированной территории	Неизвестно откуда
15	12	18	266	631	10

Из их числа 209 человек, или 22 процента, погибли в боях; 30 человек, или 3,2 процента, были расстреляны либо за прежние преступления, либо уже за новые. Все эти цифры касаются только крымских татар.

На момент расформирования крымского партизанского движения во всех трех соединениях насчитывается 3750 человек самых разных национальностей, среди которых крымские татары по численности шли сразу за русскими.

С ноября 1941 по апрель 1944 года число людей, которые прошли через партизанское движение Крыма, все исследователи ориентировочно представляют цифрой близкой к 12,5 тысячи. Мы впервые можем сказать, что только 54 человека из них прошли всю эту эпопею с первого по последний день. Среди них было три крымских татарина:

Кадыев Сеитхалил – начальник разведки соединения;

Молочников Мемет – комиссар 1-го отряда 7-й бригады Южного соединения;

Муратов Курсеит – уполномоченный особого отдела 4-го отряда.

Возможно, кому-то покажется, что 3 по сравнению с 54 – ничтожно мало, но дело в том, что среди этих 54 партизан только 9 человек до войны жили в Крыму! И потому 3 крымских татарина из 12 крымчан – цифра вполне адекватная.

Практически с первых часов освобождения начали свою работу самые различные карательные органы. Ситуация усугублялась тем, что на полуострове одновременно действовали территориальные отделения НКВД, отделы Смерша 51-й армии, 2-й гвардейской армии, Отдельной Приморской армии, Черноморского флота. Над всеми этими карательными органами довлел «план» по поимке шпионов и диверсантов, а с другой стороны, срабатывала суще-

²⁷ ГАРК. Ф. П. 151. Оп. 1. Д. 484.

ствовавшая система награждения, в соответствии с которой за 10 разоблаченных изменников – медаль, за 25 – орден.

Первые аресты производились по формальным признакам: старосты, полицейские, переводчики, «добровольцы», руководящие работники коллаборационистских органов власти, дезертиры.

Значительная часть нераскаявшихся коллаборационистов успела эвакуироваться в Румынию. Подпольщики сообщали, что место в самолете стоило 35 золотых монет царской чеканки.

С 10 по 27 апреля 1944 года были арестованы 49 членов мусульманских комитетов, к концу апреля выявлены 5806 антисоветских элементов, а к середине мая их численность возросла до 8521 человека²⁸.

Судьба партизан, ранее скомпрометировавших себя службой у оккупантов, сложилась по-разному. Почти все партизаны-азербайджанцы сразу же влились в состав 77-й Симферопольской дивизии, сформированной в Азербайджане. Аналогичная история произошла и с грузинами, которые пополнили дивизию, сформированную в Грузии. Для русских, украинцев, крымских татар судьба уготовила более суровое испытание. Даже спустя семьдесят лет во всем этом не покидает ощущение несправедливости. Те «добровольцы», бойцы РОА, кубанские казаки, которые были верны оккупантам до конца и попали в плен уже в мае 1945 года, получили точно такие же сроки, как и те, кто осенью 1943 года перешел на сторону Красной армии и почти полгода успешно воевал с врагом.

С освобождением Крыма был подготовлен пакет документов на награждение наиболее отличившихся партизан. Оно впечатляло как по количеству представленных людей – 1130 человек, так и по качеству – девять должны были получить звание Героя Советского Союза. Тем не менее вся огромная работа по составлению реляций оказалась напрасной. Весь этот пакет наградных документов оказался не востребовавшимся²⁹.

В Крымском обкоме ВКП(б) сделали неправильный вывод, что все дело в крымских татарах, которые присутствовали в списках. Было подготовлено значительно меньшее по количеству представление, но и это награждение не состоялось. Осознав, что рассчитывать на Москву не приходится, нашли следующий выход. Вот что писал в своих воспоминаниях А. А. Сермуль³⁰: «В 1946 году по инициативе Лугового³¹ Октябрьский (командующий Черноморским флотом) согласился наградить партизан в пределах своей компетенции. Поскольку документы готовил Луговой, был сделан крен в сторону Северного соединения. Дементьев³², которого раньше представляли на Героя, почему-то получил «Отечественную войну». Недовольство партизан вызвал тот факт, что ордена получили работники обкома, которые никогда в лесу не были и сидели в Сочи»³³.

С середины апреля 1944 года в освобожденном Крыму началось восстановление институтов советской власти. Везде на освобожденных от оккупантов территориях командиры и

---

²⁸ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма: Документы. Факты. Комментарии. М.: Инсан, 2002.

²⁹ ГАРК. Ф. П. 151. Оп. 1. Д. 198.

³⁰ Сермуль Андрей Андреевич. Род. в 1922 г. Работник симферопольского мотоклуба. В партизанах с 01.11.41 по 20.04.44. Боец комендантской группы 3-го района (01.11.41–10.01.42); разведчик 1-го отряда 1-го сектора (10.01.42–10.11.43); комиссар 6-го отряда 4-й бригады Южного соединения. Автор воспоминаний.

³¹ Луговой Николай Дмитриевич. Род. в 1908 г. Секретарь Зуйского райкома ВКП(б). В партизанах с 01.11.41 по 20.04.44. Комиссар Зуйского отряда (01.11.41–06.07.42); секретарь подпольного обкома ВКП(б), комиссар 2-го района (20.06.42 – июль 1942 г.); и. о. комиссара партизанского движения Крыма (25.10.42–19.06.43); командир 2-го сектора (19.06.43–15.07.43); командир 1-й бригады (18.07.43–25.11.43); начальник политотдела Центральной оперативной группы (ЦОГ) (25.11.43–29.01.44); начальник политотдела Северного соединения. (29.01.44–20.04.44).

³² Дементьев Николай Иванович. Род. в 1920 г. Краснофлотец с крейсера «Красный Крым», боец 25-й стрелковой дивизии. В партизанах с 01.11.41 по 20.04.44. Разведчик 3-го района; командир 6-го отряда 4-й бригады Центральной оперативной группы; командир 6-го отряда 4-й бригады Южного соединения.

³³ Сермуль А. А. 900 дней в горах Крыма. Симферополь: СОНАТ, 2004.

комиссары партизанских соединений, бригад, отрядов становились первыми лицами в местной партийной иерархии. Казалось, что и в Крыму все пойдет точно так же. На различных ответственных должностях, в основном в районном и городском звене управления, сразу же были задействованы 300 крымских партизан.

Особенность ситуации заключалась в том, что существовала группа номенклатурных работников – своеобразное «правительство в эмиграции». Эти люди, находясь при Крымском обкоме в Сочи, ждали освобождения полуострова, чтобы вернуться на свои высокие должности. В 1942 году их несколько потеснили партийно-советские работники, которые воевали в партизанах и были эвакуированы. Часть из них тоже вошла в этот «золотой резерв». Когда настал реальный момент освобождения, то без «портфелей» остались именно те, кто находился непосредственно в лесу, но далеко от обкома.

В апреле 1944 года «портфели» были распределены следующим образом: В. С. Булатов (казанский татарин) возглавил уже легальный Крымский обком ВКП(б); П. Р. Ямпольский (еврей) – заместитель председателя СНК Крымской АССР; И. Г. Генов (болгарин) – нарком социального обеспечения; Х. К. Чусси (грек) – заместитель наркома коммунального хозяйства; Р. Ш. Мустафаев (крымский татарин) – первый секретарь Ялтинского горкома партии...

Впрочем, все назначения, сделанные весной 1944 года, были своего рода фальстартом и к реальной кадровой политике на полуострове никакого отношения не имели. С 25 мая 1945 года начались серьезные подвижки в высших эшелонах власти Крыма. На первые должности в автономной республике повсеместно стали назначаться люди «со стороны». Первым секретарем Крымского обкома и одновременно Симферопольского горкома ВКП(б) был назначен П. Ф. Тюляев³⁴, еще недавно партизанивший в предгорьях Кавказа. Вторым секретарем назначили прибывшего из армии В. А. Березкина³⁵. Председателем облисполкома стал А. Ф. Кабанов³⁶, в годы войны возглавлявший Пензенскую партийную организацию, а затем недолго поработавший министром заготовок. Кадровые перестановки в соответствии с эффектом домино прокатились по всему Крыму. Вчерашние партизаны отодвигались на задний план.

С началом депортаций вне Крыма оказались все партизаны из числа крымских татар вне зависимости от их прежних заслуг. Все происходившее в тот период в Крыму ошеломило людей. Первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) П. Ф. Тюляев, выступая на пленуме Крымского обкома ВКП(б) 14 июня 1944 года, сказал следующее: «У нас много разных настроений и эти настроения долго будут держаться, пока мы с вами по-боевому, по-партийному не сумеем их разбивать. Много таких разговоров: «Вот татар вывезли, и нас будут вывозить». Даже сухари сушат»³⁷.

Это высказывание было абсолютно искренним. С одной стороны, оно свидетельствовало о том, что крымские власти, даже в лице первого секретаря обкома, ничего не знали о готовящейся депортации армян, болгар, греков, а с другой стороны – обо всей сложности руководства территорией, население которой было деморализовано и не ждало от властей ничего хорошего.

По воспоминаниям очевидцев, в тот период все жили в ожидании новых волн депортации. Прежде всего это касалось еще сохранившихся в Крыму национальных групп: евреев, караимов, крымчаков, поляков, чехов, эстонцев. Люди действительно сушили сухари и, дабы не повторить ошибки крымских татар, которые оказались совершенно не готовы к выселению, заранее запасались всем, что надо будет взять с собой в первую очередь.

---

³⁴ Тюляев Павел Федорович (1905–1946). Секретарь Крымского обкома с 14.06.44 по 1946 г.

³⁵ Березкин Василий Александрович. Род. в 1901 г. Секретарь Крымского ОК ВКП(б) (1944).

³⁶ Кабанов Александр Федорович (1899–1975). С мая 1944 по июнь 1945 г. – председатель СНК Крымской АССР. С июня 1945 по апрель 1946 г. – председатель Крымского облисполкома.

³⁷ Щербатая О. Сталинская национальная политика в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] <http://proza.ru/2009/03/20/643>.

Так же некомфортно чувствовали себя русские, украинцы, которые пережили оккупацию. Они быстро осознали себя людьми второго сорта и тоже готовились к худшему.

После депортации из Крыма армян, болгар, греков, крымских татар началась неприкрытая фальсификация истории партизанского движения, в процессе которой коллаборационисты из числа азербайджанцев, армян, грузин, казанских татар и других народов показывались как крымские татары, а деятельность крымских татар в партизанских отрядах Крыма замалчивалась.

В связи с тем что основой будущих партизанских отрядов должна была стать партийно-советская номенклатура, осенью 1941 года в лесу оказались и крымские татары: секретарь Судакского райкома ВКП(б) Аблязиз Османов; секретарь Сейтлерского РК ВКП(б) Абибулла Аметов; инструкторы Алуштинского райкома ВКП(б) Аблямит Ибрагимов и Абибула Велишаев; инструктор Судакского РК ВКП(б) Бекир Абдишев; инструктор Бахчисарайского РК ВКП(б) Абдул-Шейт Амидов; председатель колхоза имени Чкалова Абдул Аширов; председатель Ильичевского сельсовета Ибрагим Аметов; директор Алуштинского торго Асан Эбасанов...

Буквально в последние дни перед уходом в лес в отряды влились отдельные бойцы истребительных батальонов, что значительно улучшило партизанское движение в целом, так как в отряды пришла молодежь: Сейдали Курсеитов, Сарра Фахрединова, Абляким Исаев... Все они были местными жителями, прекрасными спортсменами, подлинными патриотами своей Родины. Именно бойцы истребительных батальонов стали каркасом партизанского движения, а вот их мускулами – моряки, пограничники, командиры, политработники и бойцы Красной армии.

Примечательно, что и среди них тоже оказались крымские татары: Мемет Молочников – из 48-й отдельной кавалерийской дивизии; Абдурахман Мурадосилов – политрук роты 172-й стрелковой дивизии; Абляз Аединов – инструктор политотдела 51-й армии; Зылха Алиева и Эсма Динислямова – военные медики из 184-й дивизии НКВД; Мемет Аппазов – командир взвода 91-го полка; Нафе Билялов – военный юрист 48-й кавалерийской дивизии и другие.

В достаточно скупом перечне наградных листов по итогам труднейших боев 1941–1942 годов мы видим 30 представителей крымско-татарского народа.

На заключительном этапе еще 46 крымских татар, которые появились в лесу уже в 1943 году, среди которых был и автор воспоминаний, за совершенные ими подвиги были представлены к боевым наградам, но так их и не получили.

Впечатляет и доля крымских татар в командном составе партизанского движения: Абляз Аединов – командир Красноармейского отряда, **погиб**; Абибулла Аметов – комиссар Ичкинского отряда, **погиб**; Бекир Аметов – комиссар 6-го отряда, **погиб**; Сеит-Али Аметов – комиссар 9-го отряда, дезертировал; Мемет Аппазов – командир группы, **погиб**; Абдул-Керим Аширов – комиссар 8-го отряда; Нафе Белялов – комиссар 1-го отряда; Мусса Беткелиев – комиссар Балаклавского отряда, дезертировал; Гафар Газиев – командир Балаклавского отряда, **погиб**; Аблязиз Османов – комиссар отряда, **погиб**; Эмирхан Юсупов – командир Судакского отряда, **погиб**; Ибрагимов – командир Куйбышевского отряда, дезертировал; Асан Измайлов – комиссар Судакского отряда, дезертировал; Энвер Ильясов – командир 9-го отряда; Исмаил Ирсамбетов – помощник по комсомолу начальника Штаба партизанского движения Крыма; Сейдамет Ислямов – комиссар 6-й бригады; Сейтхалил Кадыев – зам. командира бригады по разведке; Джемпар Колесников – комиссар 3-й бригады; Бекир Курбетдинов – начальник штаба 9-го отряда; Рамазан Куртумеров – комиссар 17-го отряда; Мустафа Мамутов – комиссар 9-го отряда; Сараджадин Менаджиев – комиссар 10-го отряда; Мемет Молочников – комиссар 1-го отряда; Куртсеит Муратов – комиссар отряда; Рамазан Муратов – комиссар 2-го отряда; Осман Муртазаев – начальник штаба 2-го отряда; Рефат Мустафаев – комиссар Восточного соединения; Мустафа Селимов – комиссар Южного соединения; Таляд Тынчеров – командир

4-го отряда; Иззет Хайруллаев – комиссар 22-го отряда; Эмир Халилов – комиссар Судакского отряда; Асан Эмиров – комиссар 20-го отряда.

В отношении ремарки «дезертировал» – так было указано в учетной карточке, но по результатам проведенных нами исследований можно сделать вывод, что большинство этих людей погибли. В противном случае их имена всплыли бы после войны.

Ввиду того что в тексте воспоминаний употребляется большое количество крымско-татарских имен и терминов родства, считаю нужным сделать некоторые пояснения.

С XV века – момента начала исламизации полуострова – проживавшие на нем мусульмане стали пользоваться общепринятой в их среде, как бы сказали сегодня, формой идентификации личности. У законодателей ислама – арабов она была чрезвычайно сложной.

Например, полное имя Авиценны звучало так: **Абу Али ибн Сина**, что указывало на имя отца – Али и деда – Сина, но и это был упрощенный вариант, а вот полный: **Абу Али ал-Хусейн ибн Абдаллах ибн ал-Хусайн ибн Али ибн Сина**.

Вначале стоит **лакаб**, вторым идет **кунья**, затем следует **алам**, дальше ставят **насаб**, потом **нисбу**, а в самом конце нередко упоминают **мансиб** – занимаемую должность.

Лакаб – в крымско-татарском языке трансформировалось в *лагъап* – прозвище, кличка. С другими словами сложнее, и их придется переводить с арабского:

кунья – наименование по сыну или дочери или по отцу;

алам – имя, полученное при рождении;

насаб – генеалогия, родословная;

нисбу (нисба) – аристократическое название;

мансиб – мана – смысл, значение.

Поскольку крымские татары находились на самой окраине мусульманского мира и к тому же испытывали огромное влияние самых различных культур, которые весьма причудливо переплелись на полуострове, то в чистом виде такая сложная система идентификации имени в Крыму не прижилась. Широко использовалось отчество (*бабасынынъ ады*) в формах «*Саид Ахтем-огълу*», или как диалектное «*Саид Ахтем-заде*», что в обоих случаях было калькой: «Саид сын Ахтема». *Оглу* – сын (*тюркский язык*); *заде* – сын восходит к персидскому языку. Примечательно, что в женском варианте тюркское *кызы* – дочь полностью вытеснило и персидский, и арабский варианты.

После того как Крым стал частью Российской империи с ее писаными, а порой более важными неписаными законами, почти на два века было достаточным всего двух составляющих: личного имени и имени отца. В XX веке отчество одновременно исполняло и роль фамилии, но не передавалось по наследству. Саид сын Ахмеда становился Саидом Ахмедовым, а его внук Рустем уже был Рустемом Саидовым, правнук Абдулла – Абдуллой Рустемовым. Уменьшение числа компонентов в идентификационном коде носило откровенно дискриминационный характер, так как у крымских татар, причисленных к дворянскому сословию, потомков беев и мурз, фамилия передавалась по наследству. Таким образом, уже тогда к народу была применена политика двойных стандартов.

В советский период отчество в силу непонятных причин было вытеснено у мусульманских народов из официальных документов. Я вспоминаю, как в период моей службы на Тихоокеанском флоте шел обмен комсомольских билетов. Мои сослуживцы узбеки и казахи со слезами на глазах умоляли вписать в комсомольский билет нового образца наряду с именем и фамилией их отчество, но представитель политотдела был неумолим: инструкция требовала в точности воспроизвести запись в военном билете, а там, увы, отчества не было.

Только в годы советской власти крымские татары массово получили фамилии. В большинстве случаев это были патронимы – имя отца. Реже фамилией становился *лагъап* – прозвище.

Записывались фамилии по-разному: Нури Халилов, но мог быть и вариант Нури Халил оглу. Для женщин Алиме Халилова или Алиме Халил кыз – Алиме дочь Халила. Иногда писали слитно, иногда – через дефис. Единства в этом вопросе не было и нет.

Проведенные исследования показали, что у современных крымских татар преобладают имена арабского происхождения, затем идут персидские, уже потом собственно тюркские, далее германские, вероятно готский след, а также советский новояз: Ленур – «свет Ленина»; Марлен – «Маркс Ленин».

При работе над рукописью редактор придерживался основного принципа: имена, фамилии, клички, названия рек, гор воспроизводить именно так, как это представлено в рукописи. Если они расходились с официальным топонимом, то оставлялся авторский вариант, а в сноске давался официальный.

Довольно часто рядом с именем автор воспоминаний указывал степень родства этого человека по отношению к нему. Если переводить эти степени на русский язык, то получится довольно неуклюже. Дело в том, что привычные для русского человека понятия дядя, тетя у крымских татар более конкретизированы и содержат уточнения: дядя по матери, дядя по отцу.

Мы перечислим их: отец – баба; мать – анна; брат старший – агъа; брат младший – огълан къардаш; сестра старшая – тата // апте; сестра младшая – къыз къардаш; сын – огъул; дочь – къыз; дедушка – къартбаба; бабушка – къартана // бита; тетя по отцу – ала // алапче; тетя по матери – тизе; дядя по отцу – эмдже; дядя по матери – дайы; внук, внучка – торун; зять – киев.

Часто употребляющееся в сочетании с каким-нибудь именем слово акъай означает, что этот человек не молод и уважаем.

По требованию современных словарей крымско-татарские имена с формантом Сеит (святой) должны писаться слитно: Сеитбилял, Сеитваап, Сеитвели и т. д., но в реальности сплошь и рядом встречаются варианты написания через дефис: Сеит-Билял, Сеит-Ваап, Сеит-Вели...

Также рядом с именем человека часто упоминается его профессия: оджа – учитель; оджапче – учительница; уста – мастер; демирджи – кузнец и т. д.

Современный крымско-татарский язык содержит три диалекта.

Южнобережный (ялыбой) относится к огузским языкам и очень близок к турецкому. Особенностью этого диалекта является значительное число греческих и некоторое количество итальянских заимствований.

Степной (чель), или ногайский, диалект относится к кыпчакско-ногайской подгруппе северо-западной группы тюркских языков.

Фактически официальным языком современных крымских татар стал средний диалект (орта-ёл, таты). Он также относится к кыпчакским (половецким) языкам, однако испытал сильное влияние сопредельных огузских диалектов. Именно на основе этого диалекта создан современный литературный крымско-татарский язык, издаются книги, идет радио- и телевидение.

Средний диалект считается прямым продолжением половецкого языка, на котором говорили в Крыму в XIV веке. На его основе был создан замечательный литературный памятник Codex Cumanicus.

Не так давно группа крымско-татарских филологов сумела убедить зарубежных грантодателей в целесообразности выделения денег на спасение крымско-татарского языка в Румынии. Приехали в Добруджу, но оказалось, что педагоги и их потенциальные ученики не понимают друг друга. Румынские татары общались между собой на уже реликтовом ногайском диалекте и отказались переучиваться на современный крымско-татарский язык.

Предложенные читателям воспоминания написаны человеком, выросшим в среде носителей среднего диалекта крымско-татарского языка.

В. Е. Поляков, доктор исторических наук

Глава 1

О, юность моя!

В одном из красивейших уголков нашего полуострова между двух невысоких гор расположена крымско-татарская деревня Тав-Даир³⁸. На южной окраине села, где соединялись горы, был лес, по-татарски это означает «тав». Так как в деревне была мечеть, то было еще одно название Месчит-Эли, а северную часть деревни называли Тав-Даир. На юге, где начинались Зуйские леса, находилась маленькая русская деревушка Соловьёвка, а чуть в стороне другая русская деревня – Мазанка. Там была церковь. В Тав-Даире была белокаменная мечеть – Джамии, большое четырехугольное медресе, известное всему Крыму. В ту пору в Тав-Даире жили только крымские татары.

---

³⁸ Тав-Даир – ныне село Лесноселье Мазанского сельсовета Симферопольского района.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.